

“Госпел в Колоне” – спектакль группы Мэ-боу Майнс, которой руководит Ли Бруер, – объединил публику и специалистов, отменил предрассудки снобов и профанов, независимо от того, считали они его театром или нет. Чувство священности мира, столь свойственное африканцам, Ли Бруер соединил с древнегреческой трагедией и христианской службой. Впрочем, как считает американский режиссер, в традиции афро-американской церкви это и без того находится в живом неразрывном единстве. Спектакль Ли Бруера во многом связан с переосмыслением опыта 68-го года, свободного и слишком романтического движения хиппи. Он сам – бывший хиппи – ищет новую и, может быть, более мудрую основу религиозного отношения к жизни. Важным обстоятельством этой наивной простодушной, в чем-то “слишком американской” работы является ее принадлежность церковной службе. Верующие певцы просто хорошо поют и полностью присутствуют в происходящем на сцене. Вместе с Бруером они нашли в финальной части точное соответствие древнегреческого катарсиса христианской службе, предшествующей моменту причастия, когда все прихожане в радости и ликовании пожимают друг другу руки. Мистерия жизни совершила свой очередной круг, смерть вновь преодолена. “Алилуйя!” – поют чернокожие актеры, провожая Эдипа.

Ли Бруер много работал в Африке, пытаясь проникнуть в жизнь, которая ему близка. Он умеет писать молитвы. Собственно, он это и сделал, написав стихи, которые поет на музыку Боба Телсона его черная труппа.

*Я бы хотел, чтобы ветер поднял меня
И я мог бы взглянуть глазами ангелов
На дитя, которое люблю.
Я кричу “Алилуйя”. Я был слеп
Он позволил мне видеть.
Вознеси его в луче славы, в хоре голосов.*

Ли Бруер:

– Не зная в деталях вашу работу с черными актерами, можно подумать, что это дань политической корректности.

– Америка больше не является белой, черные и латиноамериканцы составляют едва ли не большую половину ее населения. Культура меняется все больше и больше. И вот уже молодое поколение буквально загипнотизировано черной или испанской музыкой. Афро-американское искусство становится сегодня все более влиятельным. Молодые белые американцы становятся прихожанами афро-американской церкви. Не остался в стороне и мой сын.

Моя работа с черными – это не вопрос политической корректности. Речь идет о том, чтобы понять, что происходит в жизни, по крайней мере, американской.

– Почему для мюзикла, основанного на госпл и блюзе, вы выбрали именно греческую трагедию?

– Большинство греческих трагедий делается сегодня внутри “английского стиля”, то есть в традиции европейского, более или менее реалистического театра. Наш спектакль – попытка найти формы африканского театра. Во время богослужения люди входят в транс, они чувствуют себя частью сакрального пространства, свободными, живыми, живущими в реальности. Разве это не близко тому, как существовала когда-то греческая трагедия?

Америка меняется. Нью-Йорк – город, не похожий ни на один из европейских городов, с сумасшедшей уличной жизнью, такой же, как в Анкаре или Стамбуле.

– Возможно ли белому режиссеру войти в черный мир и стать его частью?

– Тяжелый вопрос. Не уверен, понимают ли люди достаточно ясно, что вся самая популярная музыка современно мира вышла из африканской религиозности. Осознание приходит постепенно. Появляются исследования о египетских и североафриканских истоках европейской культуры. Мы стремились сделать мюзикл как церковную службу. Только вместо библейской истории у нас история царя Эдипа. Наш спектакль – попытка сделать ее христианской.

– На какой структуре вы основывались, превращая античный миф в христианскую службу?

“Америка больше не белая”

— В нашем спектакле мы приблизили афро-американскую церковную службу к театральной интерпретации греческой трагедии. Причина, по которой мы это сделали, заключается в том, что греческая трагедия в каком-то смысле была религиозной службой. В V веке до нашей эры театральные представления посвящены Дионису. Но служба, которую мы вам показываем, — это не собственно служба, она имеет несколько отправных точек. Мы обнаружили, что афро-американская протестантская церковь в Америке имеет точно тот же стиль, что и греческая трагедия. Если вы возьмете греческий хор и воспримите его как хор черных, если вы почувствуете это, то поймете, что греческие гимны — церковные христианские гимны черных богу.

И если вы подумаете о реальной песне в церковной службе как о заключительном монологе в греческом театре, если вы подумаете о той политической направленности, которую имела греческая трагедия, если вы все это поймете, то увидите, что Софокл, который написал все это в V веке до нашей эры подготавливал вас к осознанию смерти Поэта. Если также, наконец, вы поймете, что церковь — это религиозно-политическая единица, то тогда вы увидите, что греческий полис, как Афины и Спарта, — это сочетание того, что представляет афро-американская церковь, — то есть сочетание духовности и политики. Множество специалистов по древнегреческой трагедии, увидев спектакль, говорили нам, что наша интерпретация, возможно, ближе к тому, что греки любили в театре тысячи лет назад.

— Ваши корни — не просто из России, но и из Москвы? Это так?

— Моя русская сторона — происхождение моей матери. Мои дедушка и бабушка жили в Москве. Они переехали в Соединенные Штаты в 1900 году, поженились в Америке и открыли свой бизнес. Родители Боба тоже были из России. Его отец был очень известным врачом. Впервые Боб посе-

тил Россию, когда ему было 5 лет. И когда он увидел Кремль, он спросил у отца: “Это русский Дисней-ленд”?

— А вы сами как воспринимаете Москву?

— Я действительно думаю, что соборы Кремля — одна из самых прекрасных архитектур, которую я видел в своей жизни. И если бы мне было 5 лет, я бы тоже подумал, что это волшебное королевство.

— Эта сентиментальность связана с русской ментальностью, которую вы храните в корнях?

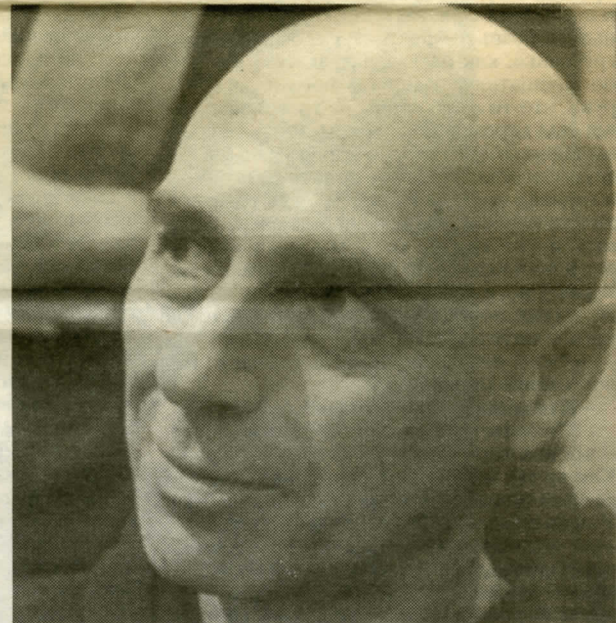
— Я думаю, что и я и Боб благодаря нашим русским корням понимаем, что, это значит быть эмоциональными людьми. И я думаю, именно поэтому я и Боб очень тесно связаны с черной музыкой и с церковью черных. Боб как композитор работал клавишником в черных группах.

Меня интересовало всегда то, что можно назвать африканской классической театральной ораторией. Меня никогда так сильно не трогал Шекспир, как black preaching. Если бы у меня был выбор между Лоренсом Оливье и Джесси Джексон, я бы выбрал последнего, потому что африканская оратория более музыкальна и имеет большую непосредственную связь с душой.

В Европе в 12 веке было то же самое — речь, мелодекламация и пение. Но, после того и особенно во времена Возрождения, мелодекламация исчезает. Вы должны как бы перепрыгивать от речи к пению и обратно. Но в африканской культуре мелодекламация сохраняется, и в ней заложена огромная сила. На самом деле — это потрясающая идея приспособить греческую драму к культуре афро-американцев.

— Как сегодня существует сама группа?

— “Мэбоу майнс” — группа людей, которые в течение 30 лет дружат и работают вместе. Но мы работали в самых разнообразных стилях, делали самые разнообразные эксперименты. И не все эти эксперименты подчеркивали до-

стоинства только афро-американской культуры, и белой культуры тоже. Мы также работали с новыми технологиями в театре или, например, с японским театром кукол. Сейчас мы делаем шаг к кино, пытаемся снять видеофильм. Наш спектакль “Хадж” — абсолютно иной, чем “Госпел”, это сценическая поэма, и она провозглашает своеобразный гимн видео- и кинотехнологии в Америке. И если людям понравится “Госпел в Колоне”, то они обязательно придут на “Хадж”, чтобы посмотреть оборотную сторону культуры, ее белую сторону, которая одновременно является ее интеллектуальной стороной. Мы мечтали приехать в Москву именно с этими спектаклями.

Беседовала Алена КАРАСЬ
● Ли Бруер